

ДИНАМИКА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ХАОСА И СИСТЕМЫ

Петев Николай Иванович

доцент кафедры философии и религиоведения
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»; кандидат философских наук

В данной работе рассмотрена эволюция взаимоотношений хаоса и системы. Проанализированы метаморфозы диалектики этих феноменов. Рассмотрено неоднозначное отношение индивида к феноменам системности и хаоса. Выявлен современный вектор контроля и поглощения хаотичных, бесструктурных тенденций системой для её развития и сохранения целостности.

На протяжении всего своего исторического развития индивид и социум стремились к тому, чтобы структурировать всё вокруг себя, подчинить внешние явления определённым строгим, а иногда и категоричным законам, выявить систематические тенденции для последующего прогноза и корректирования действий с целью наилучшего исхода. Несомненно, что первоначально человек воспринимал природу и весь окружающий его мир как нечто агрессивное, неистовое и хаотичное, столкновение с которым может привести к катастрофическим последствиям. Первые попытки структурирования и понимания внешнего мира имели религиозный характер. Миф является не только первой попыткой познания природы, но и первой систематизацией, которая имеет определённый прикладной характер.

Элиаде М. отмечает, что архаичному сознанию свойственна формула: знание мифа – это знание происхождения, а знание происхождения чего-либо равноценно приобретению власти над ним [9, с. 23–25]. Природа, как и внешний мир, стала рассматриваться как некая система, которая может принести человеку пользу и удовлетворить его потребности и желания. Единственным условием для реализации вышесказанного являлось рецептурное исполнение необходимых условий и действий, иными словами, культовых практик в сакральном месте. Таким образом, религиозное сознание впервые подошло к проблематике устройства хаоса и управления бесструктурными тенденциями, в частности в аспекте природы. Более того, в дальнейшем хаос стал важнейшим аспектом не только в космогонических концепциях, но и как необходимое условие реализации самоидентичности и построения индивидуальности индивида. Интерес к хаосу у индивида вызывает то, что он представляет собой потенциально возможное многообразие реализации. Иными словами, хаос мыслился как некая энтелехия, которая стремится к определённому устройению, и ей необходим катализатор, дабы совершить данный переход. Такая идея присуща космогоническим концепциям различных народов мира.

Диалектика структуры и хаоса из религиозной области постепенно стала переходить в сферу компетенции и осмысления философии. Ранняя античная философия, аналогично религиозной космогонии, рассматривала истоком всего мироздания различные стихийные явления. Постструктурализм хоть и признавал существование структуры и устройности, но настаивал на их децентрализации, а понятие хаоса было идеалом этого философского направления, в частности для таких философов как Делёз Ж. и Гваттари Ф. Хаос представляет собой неисчерпаемый резерв, имеющий в себе все возможные частицы и принимающий все возможные формы, и способен генерировать дискурсивные инстанции [3, с. 224–225]. Концепция хаосмоса представляет собой практически бесконечный источник возможностей, неограниченных и не связанных какими-либо рамками структурности и системности. Ещё Аристотель отмечал, что «вполне допустимо, что нечто хотя и может существовать, однако не существует, и хотя может и не существовать, однако существует» [1, с. 255]. Но подобные рассуждения несут в себе и определённую опасность. Иногда, чрезмерно бурная фантазия может довести до умозаключений и предположений,

которые будут противоречить не только разуму, но и различным онтологическим фундаментальным нормам и установкам.

С развитием конкретных естественных наук феномен хаоса становится интересом конкретных исследований в рамках теоретического и практического исследования, как, например, в математике или физике. Яркими примерами может служить «теория динамического хаоса» или концепция синергетики. В подобных концепциях хаос может рассматриваться как некая изначальная форма бытия, или же как явление, происходящее вследствие нестабильности системы.

У индивида сложилось бинарное отношение к хаосу как явлению, присутствующему во всех сферах бытия и собственной экзистенции. Дело в том, что бесструктурность, с одной стороны, предполагает определённую степень неизвестности и новизны, что сопряжено с неким недоверием к тем тенденциям, которые может нести хаос. Ницше Ф. указывал, что стремление находить причину обусловлено страхом [6, с. 50]. Эпикур отмечал, что если обнаружить причину, то моментально будут устранены страх и смятение [4, с. 196]. Таким образом, неизвестное, что не имеет определённого обоснования своего наличествования, вызывает у человека негативное чувство, в том числе страх, ужас, дискомфорт и т.д. Кроме того, Ницше Ф. указал, что новое, непережитое, чуждое заменяется тем, что уже устоялось в сознании [6, с. 50]. Хотя также стоит отметить и то, что прелесть новизны может ослеплять индивида, что может привести к ложным представлениям [7, с. 67]. Однако, с другой стороны, бесструктурность несёт в себе потенциальность чего-то совершенно нового и желаемого индивидом.

Потенциально хаос – это новый шаг вперёд, предполагающий переход от стабильности статики к динамическому развитию; желаемый «Грааль возможностей». Системность и структурированность являются противоядиями, которые с самых древних времён противопоставлены хаосу как приоритетные антиподы, в частности по причине их практической эффективности применения. Однако, как хаос, так и система оцениваются индивидом амбивалентно. С одной стороны, она необходима индивиду, в частности вызывает зависимость по причине комфорта, который ею создаётся. Хотя стоит отметить, что конформизм обладает смертоносной силой [2, с. 108], ведь он способен подавлять любое развитие, являясь одновременно алиби пассивному и разлагающему состоянию. В рамках системности всё вокруг имеет относительно чёткие правила и закономерности, а потому существует возможность прогнозирования, моделирования и планирования. Такая телеология системности имеет несомненный прагматический и практический характер.

Но с другой стороны, системность – это специфические репрессивные ограничения. Она не допускает наличия внутри своего пространства ничего, что может мешать её функционированию, что она не может трансформировать в соответствии со своей структурой и содержанием и что может угрожать её целостности. Тем не менее индивид имеет навязчивую идею преодоления главенствующей систематичности и устройности, желание сломать категорическую закономерность и дать возможность исключению, которое в последующем станет правилом. Можно отметить два важных момента в данном аспекте. Во-первых, парадокс исключительности заключается в том, что иногда исключение может стать правилом. Мур Дж., рассматривая аспект санкций, отмечал, что смягчение или отсрочка в каком-то исключительном случае почти всегда подтолкнут к подобным поступкам в случаях уже не исключительных [5, с. 252]. Для человека свойственно делать исключения, особенно если это связано с его прагматичной телеологией. Во-вторых, существует неоднозначность результата, так как новое правило может стать как частью для старой системы, если она подчинит его себе, так и может стать истоком, катализатором новой.

У индивида наличествует стремление получить то, что система запрещает (ведь не приходится запрещать того, чего никто не хочет делать [8, с. 102]) или не предполагает (находится за пределами производимого ею, т.е. вне присущей ей компетенции), что находится вне её и подавляется ею. Ярким примером является древнейший «враг» человека, с которым человек ведёт непрестанную борьбу, сначала с помощью религии, а в наши дни, науки – смерть. Она является всеобщим правилом

для каждого индивида, некоей необходимостью существования. Ещё Аристотель отмечал, что необходимым называется то, без содействия чего невозможно жить (как, например, дыхание и пища), и то, без чего благо не может ни быть, ни возникнуть, а зло нельзя устранить или от него освободиться [1, с. 131–132]. Необходимостью может быть такой аспект экзистенции, который довлеет над индивидом и вызывает желание избавиться от него. Человек стремится доступными ему способами к тому, чтобы не было необходимости подчиняться необходимости, как детерминирующему фактору.

Таким образом, складывается достаточно жёсткое диалектическое противостояние между системой, которая имеет тенденцию к упорядоченности и исключению всего вне своей архитектоники и правил, и хаосом, диктующим разрушение системности. Случайность для порядка – это не просто нечто непозволительное и нехарактерное, но и смертельно опасное, так как она ставит под сомнение всеобъемлющий и детерминирующий его характер. Упорядоченность же для хаоса является тенденцией секулярной, расщепляющей его потенциальные возможности и силы, ослабляя перспективный вектор.

При всём ожесточенном противостоянии этих двух явлений, каждое находится в определённой зависимости друг от друга. Хаос без порядка, хотя бы в аспекте его осмысления, невозможен, так как тогда он сам станет определённой, хотя и относительно устроенной, структурой. Система же усматривает в аспектах случайности и бесструктурности не только опасность, но и возможность собственного развития, расширения, адаптации. Это некий катализатор процесса развития порядка, разрушающий застенчивость и гипертрофическую монолитность, инициирующую неспособность реагирования на различные внешние и внутренние изменения. Подобная неспособность реагировать – смерть для системы. Хотя она и так мертва, являясь своеобразным механизмом, в котором некрофильские тенденции в ней имеют различные формы (ужасные, интенсивные и деструктивные).

Стоит указать, что системность отличается не меньшей агрессивностью, чем хаос. Однако чаще всего отмечается особая опасность структуры под воздействием бесструктурных феноменов. Но не меньше разрушительных тенденций несёт в себе порядок для хаоса. Более того, в современном мире последний подвергается репрессивному преследованию, но телеология его имеет новый характер. Если первоначально диалектика двух антагонистичных начал имела радикальный характер, то есть целью являлось уничтожение одного из элементов этого взаимоотношения, то теперь система имеет целью лишь доминирование. Это узурпация и последующая спекуляция определёнными качествами, свойствами, тенденциями и т.д. хаоса для реализации задач системы. Она больше не ставит в приоритет действие «прямой силой» для подавления и уничтожения своего оппонента, а использует «мягкую силу», то есть такие методы и инструменты, чтобы стать законодателем случайностей.

Дело в том, что теперь системность поглощает феномен хаотичности, делая его своей частью. То, что ранее позиционировалось как некая особая альтернатива системности, становится частью её диктуемого дискурса, утверждающего её порядок. Порядок уже не агрессивно рефлексивен на некие явления вне системности и упорядоченности, теперь эти случайности являются как бы «разрешённой хаотичностью» (допустимой общей структурой системы, и входящей в неё), необходимой для её обновления и пресечения ситуации, когда она изживает себя. Поглощая хаос, система лишает его автономных оснований, силы, импульсивности, превращая в собственный инструмент. Он становится укрощённым и усечённым, а его пульсация, инициация и развитие происходит в соответствии с чётким регламентом этой системности.

Таким образом, можно указать, что диалектика взаимоотношения между хаосом и системой, которая изначально имела кардинальное противостояние, сменила парадигму, и новое положение вещей предполагает одностороннее поглощение одного другим. Но это не полное поглощение, а некая ассимиляция, в результате которой поглощённое становится частью поглощающего. Кроме того, изменился и активный статус этих двух явлений: если первоначально порядок позиционировался

как «жертва» хаоса, который как «охотник» угрожает его разрушению, то теперь они поменялись ролями. Однако система уже не стремится избавиться от бесструктурности, а старается реализовать возможности, которые может предоставить ей усечённый вариант хаотичности. Это ярко проявляется в социально-экономической сфере современного мира.

Список использованной литературы

1. Аристотель. Метафизика / Аристотель. – М.: Э, 2016. – 448 с.
2. Барт, Р. Мифологии / Барт Р.; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический проект, 2014. – 351 с.
3. Дьяков, А. В. Феликс Гваттари, философ трансверсальности / А. В. Дьяков. – СПб.: Владимир Даль, 2012. – 592 с.
4. Материалисты древней Греции / под ред. М.А. Дынника. – М.: Политическая литература, 1955. – 239 с.
5. Мур Дж. Э. Принципы Этики / Мур Дж. Э. – М.: Прогресс, 1984. – 327 с.
6. Ницше, Ф. Падение кумиров: Избранное / Ницше Ф. – СПб.: Лениздат, 2014. – 224 с.
7. Паскаль, Б. Мысли / Паскаль Б.; пер. с фр. Э. Линецкой. – М.: Астрель, 2009. – 253 с.
8. Фрейд, З. Тотем и табу / Фрейд З.; пер. с нем. М. Вульфа. – СПб.: Лениздат, 2014. – 224 с.
9. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М.: Академический проект, 2010. – 251 с.